

В этот вторник, восьмого июня, в семье Винокура гуляли до самого утра: Владимир Натанович и его очаровательная супруга Тамара отмечали 25-летие совместной жизни. За несколько дней до означенного события мы были собраны поздравить любимого артиста, а потом что-то засомневались: быть может, он все эти годы страдал и ему впору сочувствовать? Выяснилось, что соболезнования не помешали бы, вот только высказывать их надо не артисту, а его жене.

— Владимир Натанович, кто эти годы больше страдал — вы или Тамара, которая даже посчитала, сколько вас за время совместной жизни дома не было!

— Три года чистого времени — это мы как-то вместе сели и выяснили. Но, глядя на своих коллег, я понял, что каждая новая жена хуже предыдущей. Я на эстраде вообще как полезное ископаемое: за это время нормальные люди успели уже раза по три, а то и больше, жениться. А моей супруге действительно можно только соболезнования выразить: столько лет терпеть меня — это большое несчастье.

— Вы, кстати, случайно не надеялись, что хотя бы к этой дате вам все же вручат обещанную еще к юбилею награду?

— Да что вы! Я уже об этом даже забывать стал. А ведь как хорошо начиналось. Коллектив концертного зала «Россия» во главе с директором Петром Шаболтаем, который еще в армии был моим старшиной, подал представление на орден. Все шло к тому, что должны были дать за несколько дней до юбилея, но — обломилось. В то время в аппарате Виктора Черномырдина работал нынешний генеральный директор ОРТ Игорь Шабдурасулов, который позвонил мне и сказал: Володь, понимаешь, прямо к празднику не выходит, подожди пару дней — все уже на выходе. Прошла и пара дней, и больше, уже уложили меня на аллею Звезд, и вдруг вспоминаю, что чего-то не хватает. Ага, награда-то обещанная — где? Начинаю узнавать, куда заделась, и выясняю сле-

дующее: оказывается, просили подождать.

— Вы уже предполагали, что ждуть, очевидно, вашего 60-летия.

— А что еще думать-то? Может, я преступление какое совершил?

— Вы вообще были серьезны, когда вспоминали в этой связи, что не надо было в свое время вместе с Хазановым, Абдуловым, Бабкиной и Лещенко Коржакову помогать победить на думских выборах в Туле?

— Мне действительно говорили, что именно с этим мое ненаграждение и связано — даже намекали, что сама Татьяна Борисовна приложила к этому руку. Как говорится, следствие ведут знатоки, и утверждать это на все сто невозможно, но источники мои были достаточно высокопоставленные, чтобы им не верить.

— Если не ошибаюсь, на премьере говорухинского «Ворошиловского стрелка» вы встречались с Коржаковым и обсуждали эту тему.

— Действительно. Я ему говорю: Саша, я тебе так благодарен — хожу спокойненько, не прогибаюсь под тяжестью. Коржаков: а в чем дело-то? Да вот, отвечаю, представляешь, в каком бы положении я был, если бы повесил себе на шею такую тяжелую штурку? А так я ее не достоин — потому как в Тулу не хрена было ездить. Посмеялись, Коржаков предложил мне какой-нибудь свой орден, но я поблагодарил: дескать, и так есть чего носить.

Вот два года уже прошло с начала этой истории, но я и теперь не могу поверить: неужели правда, что у Татьяны Борисовны есть время следить еще и за наградными делами? Хотя, знаете, я верю: придет время, и награда найдет своего героя.

— Кстати, в свое время вы ведь были приглашены на серебряную свадьбу самого Александра Васильевича, правда, тамадой там не были.

— Президент тогда был тамадой. Как говорит сегодня Селезнев, все было с чистыми ушами и слышали, как он называл Сашу сыном, а его жену Иру третьей дочерью. Борис Николаевич был тогда сразу после болезни, а к нам подходила Нина Иосифовна и спрашивала, будем ли мы поддерживать ее супруга на выборах. Да, ответили мы, и потом действительно ездили, принимая участие в кампании «Голосуй или проиграешь».

— В результате выяснилось: голосуй не голосуй, все равно получишь...

— Вот и я так говорил. Ну и получили в результате именно это.

— А вам не приходило в голову, что ненаграждение связано не только с тульской историей? Может, вы в свое время чем-то лично обидели самого Бориса Николаевича, по обыкновению своему рассказали при нем какой-то неприличный анекдот, матернулись не слишком красиво?

— Единственный был казус, когда на меня немного обиделась его супруга Нина Иосифовна. Несколько лет назад я был приглашен в дом приемов на Воробьевых горах на день рождения президента. Как всякий нормальный человек, не мог прийти с пустыми руками и решил подарить книгу. Но дарить обычный том — это даже не смешно. И я решил преподнести ему такую хитрую вещь. Как-то давно, возвращаясь из Афганистана, выступал в Ташкенте перед таможенниками, которые после концерта презентовали мне «Вечный зов» Анатолия Иванова. Книжка на самом деле была фляжкой, в которую влезало пол-литра спирта или чего еще. И вот я, дурак, не придумал ничего лучшего, чем подарить эту штуку президенту. Налил внутрь хорошей водки — пошел. Так как подарок был не для обычного человека, водку сначала попробовал Коржаков, потом Барсуков...

— Потом и вы сами хлебнули — не испортилась ли она за время пути.

— Естественно. Потом закрутил и ринулся на сцену поздравлять именинника — я как раз собирался со своим партнером показывать номер про врачей. Не знаю даже, чем можно поклясться, но у меня не было никакого злого умысла. К тому же что вообще можно подарить человеку, у которого и так все есть? Вручаю книгу-флягу президенту, он почувствовал, что внутри что-то булькает, и говорит (подражая Б.Н.): такого экземпляра у меня еще не было.

— Я так понимаю: Борис Николаевич к тому времени был уже навеселе!

— Конечно, уже и на ложках успел поиграть. Потом мне рассказывали, что, когда он дошел до стола, Нина Иосифовна, которая уже нервничала, так как супруг успел немного перебрать, взяла книгу в руки, поняла, что внутри, и обиделась: мне говорили, она подумала, будто это — прямой намек. Ну кланусь — и близко ничего не было.

— А номер про врачей — может, хотя бы его надо было воспринимать как намек!

— На это почему-то никто внимания не обратил — он ведь уже был не новый. Хохотали все — это было.

— Говорят, вас попытались тогда заставить супруга лучшего министра Павла Грачева.

— Люба сказала Нине Иосифовне, что я и им подарил такую же книгу, объяснила, что это из Афганистана — как сувенир. Уж не знаю, удалось ли ей меня отмазать или Нина Иосифовна и после этого продолжает сердиться. Но даже если она и не отошла, не думаю, что «Вечный зов» с водкой внутри может быть причиной, по которой мне зажали орден.

Может, проблема в том, что мы часто поем вчетвером — я, Кобзон, Лещенко и Лужков? Может, Юрий Михайлович многим, от кого зависит мое награждение, как кость поперек горла, а не Коржаков вовек?

— Но вы Александра Васильевича все же приглашали на 25-летие вашей с Тамарой совместной жизни!

— Да. Он был единственным, кого хотя бы с натяжкой можно назвать чиновником — депутат все же. А так — только старые друзья, часть которых были и на самой свадьбе.

— Уж извините, но о ваших отношениях с Александром Васильевичем разное говорят. Например, многие были уверены и продолжают считать, что вы согласились принять участие в его предвыборной кампании потому лишь, что он хорошо заплатил.

— Ну какая глупость! Мы просто знали, кто баллотируется от Тулы, и решили: Коржаков — самый приличный из всех кандидатов.

— А шахматист Анатолий Карпов, извините, чем вас успел обидеть?

— Ну что Карпов? Я не умаляю его достоинств, но Саша и более деятельный человек, и тульский к тому же. Мог войти в любую дверь — что же в этом плохого? А большие деньги за поддержку — это все вранье. Ни один из тех, кто отправился тогда в коржаковский вояж, ничего от

него не брал. Ну ладно, не верьте. Но если человек заплатил за помощь друзьям, как бы после этого мы с ним общались? Это жидитизм!

— А вы разве уже были друзьями!

— Мы дружили еще в то время, когда Ельцин не был президентом.

— Простите, но самого Бориса Николаевича вы знали еще тогда, когда рядом с ним никакого Коржакова и в помине не было — в Свердловске.

— А Сашу я знал по Афганистану — он тогда еще майором был. К тому же чего меня ловить на отношениях с ним? Его биография по-человечески ничем не запятнана: он ведь был очень предан президенту и готов ради него на все. Все помнят, как он возил опального Бориса Николаевича на своей собственной машине, на что мало кто из чиновников тогда согласился бы.

— А вы Ельцина свердловского периода хорошо помните!

— Хорошо. Мы часто видели его вместе с Геной Хазановым. Нас приглашали выступать на день города — специально приезжал человек, который провожал к самолету, мы прилетали в нынешний Екатеринбург и там встречали Бориса Николаевича. Концерт проходил во дворце спорта — выходили всегда втроем: первый секретарь обкома и два клоуна, выступали по отделению.

— Втроем!!

— Нет, конечно, просто Борис Николаевич как глава области начал концерт с поздравления. Однажды там произошла ставшая впоследствии знаменитой сцена. Мы после концерта были приглашены на банкет в обкомовский дом приемов, а я упирался, потому что был в джинсах — вообще джинсовую одежду больше люблю. Неприятно мне, говорю, а Борис Николаевич настоял: дескать, все свои будут, так что ничего страшного. Потом, уже за столом, он стал говорить какой-то тост, а я уже разомлел, растрогался, говорю: Борис Николаевич, вот смотрю я на вас и, судя по напору, думаю: вы — потенциальный москвич. Он посмеялся, сказав, что и в Свердловске чувствует себя неплохо. Прошло совсем немного времени, и его действительно перевели в Москву.

Какое-то время я его не видел. А однажды пришлось выступать в Колонном зале Дома союзов, где ныне покойный Борис Брунов сделал так, что все юмористы читали нечто вроде пионерского монтажа — каждый по фразе: Клара Новикова, я, Гена, Петросян, сам Брунов, еще кто-то. В ложе сидел первый секретарь горкома Борис Николаевич Ельцин. Мне было страшно обидно, потому что он был закрыт от всех газетой — я думал, ему не нравится происходящее на сцене.

Окончание на стр. 15

КНИЖКА НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛА ФЛЯЖКОЙ, В КОТОРУЮ ВЛЕЗАЛО ПОЛ-ЛИТРА СПИРТА ИЛИ ЧЕГО ЕЩЕ. И ВОТ Я, ДУРАК, НЕ ПРИДУМАЛ НИЧЕГО ЛУЧШЕГО, ЧЕМ ПОДАРИТЬ ЭТУ ШТУКУ ПРЕЗИДЕНТУ.

фото Якова Титова

Владимир
Винокур:

**МОЙ
орден
зажал
дьяченко!**